

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2018. № 18. 190 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg: IHMC RAS, 2018. No. 18. 190 p.

Редакционная коллегия: Е. Н. Носов (гл. редактор), В. А. Алёкшин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной

Editorial board: E. N. Nosov (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских

Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 18 «Записок ИИМК РАН» представлены научные работы, отражающие новейшие открытия и исследования в области археологии и древней истории. В разделе «Статьи» А. А. Малютина с соавторами, Л. Б. Кирчо и группа исследователей во главе с М. А. Кульковой публикуют новую информацию об археологических источниках, полученную современными естественно-научными методами. В работе А. В. Полякова рассмотрен вопрос о выделении локальной группы кротовской культуры, синхронной окуневским памятникам. Анализ антропоморфных элементов изображений на оленных камнях Тувы проведен М. Е. Килуновской и Вл. А. Семёновым. С. Ю. Монахов с соавторами публикует комплекс гераклейских амфор 390-х гг. до н. э. В. С. Синика с соавторами вводит в научный оборот новые материалы раскопок скифского кургана в Приднестровье. В. И. Кулаков в обширной статье рассматривает этнокультурную ситуацию на Янтарном берегу в первые века нашей эры. Серия статей посвящена проблемам древнерусской и средневековой археологии — от сфрагистики и нумизматики (С. В. Белецкий, К. В. Горлов и О. В. Рожнова) и обобщения результатов изучения Выборга (А. И. Сакса) до технологии изготовления железного инвентаря (статья В. Л. Щербакова). Итоги археологических исследований Санкт-Петербурга подведены в статье В. А. Лапшина и Н. Ф. Соловьёвой. В разделах «Из истории науки» и «Хроника» публикуются материалы заседаний, посвященных памяти сотрудников Отдела истории античной культуры И. Б. Брашинского и В. И. Денисовой.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейедам, студентам исторических факультетов вузов.

The papers included in the 18th issue of the “Transactions of IHMC RAS” introduce recent discoveries and studies in archaeology and ancient history. A. A. Malyutina with co-authors, L. B. Kircho, and a group of researchers headed by M. A. Kulkova publish new information obtained with the use of modern scientific methods. A. V. Polyakov considers the question of singling out a local group of Krotov culture sites, synchronous to the Okunev sites. The analysis of anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia is presented in the work by M. E. Kilunovskaya and Vl. A. Semenov. S. Yu. Monakhov with co-authors publish a complex of Heracleian amphorae from Berezan island. V. S. Sinica with co-authors introduce new materials from a Scythian barrow in the Dniester region. T. R. Sadykov describes bone arrowheads of the first half of the I millennium AD from Tuva. The voluminous paper by V. I. Kulakov analyzes the ethno-cultural situation on the Amber coast in the first centuries of the Common Era. A series of papers deals with the problems of Old Russian and Medieval archaeology, including sphragistics and numismatics (S. V. Beletsky, K. V. Gorlov with O. V. Rozhnova), recent works at the early medieval Staraya Ladoga (A. L. Aleksandrovsky with co-authors) and medieval Vyborg (A. I. Saksa), and manufacturing technology of iron artifacts (V. L. Shcherbakov). V. A. Lapshin and N. F. Solovyova discuss some results of recent archaeological works in St. Petersburg. The sections “From the History of Science” and “Chronicle” contain materials dedicated to the memory of I. P. Brashinsky and V. I. Denisova.

The volume is intended for archaeologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. А. Малютина, Н. Н. Кривальцевич, А. М. Кульков.</i> Особенности обработки и использования костного и рогового сырья стоянки эпохи неолита Кузьмичи 1 (бассейн р. Припять, Республика Беларусь)	9
<i>Л. Б. Кирчо.</i> О функции так называемых каменных светильников эпохи бронзы на юге Центральной Азии и Среднем Востоке	20
<i>А. В. Поляков.</i> К вопросу о хронологическом соотношении материалов кротовской и окуневской культур (на примере могильника Сопка-2)	28
<i>М. А. Кулькова, А. М. Кульков, М. Т. Кашуба, М. Н. Ветрова, Н. А. Гаврилюк, Э. Кайзер.</i> Особенности технологии «погребальной» керамики раннего железного века в Северном Причерноморье по данным рентгеновской 3D-микротомографии	40
<i>М. Е. Килуновская, Вл. А. Семёнов.</i> Антропоморфные элементы на оленных камнях Тувы и Монголии	50
<i>С. Ю. Монахов, Е. В. Кузнецова, Д. Е. Чистов, Н. Б. Чурекова.</i> Комплекс амфор Гераклеи Понтийской из ямы № 41 (1968 г.) на о. Березань	60
<i>В. С. Синика, Н. П. Тельнов, С. Д. Лысенко.</i> Скифский курган с детскими погребениями на левобережье Нижнего Днестра	69
<i>Т. Р. Садыков.</i> Костяные наконечники стрел первой половины I тысячелетия нашей эры в Туве.....	80
<i>В. И. Кулаков.</i> Начало готского пути в Восточную Европу	89
<i>А. Л. Александровский, В. А. Лапшин, Н. В. Григорьева, Е. И. Александровская, В. В. Скрипкин.</i> Почвообразование на территории Старой Ладogi в неолите и раннем средневековье	99
<i>С. В. Белецкий.</i> Древнерусские пломбы из Старой Ладogi	105
<i>В. Л. Щербаков.</i> Новые данные о технологии изготовления железного инвентаря сельских поселений Угличского течения Волги	133
<i>А. И. Сакса.</i> Выборг в первой половине — середине XVI в., или каким был город во время Микаеля Агриколы (к 500-летию Реформации)	139
<i>К. В. Горлов, О. В. Рожнова.</i> Монетный клад Смутного времени из крепости Копорье	149
<i>В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва.</i> Проблемы сохранения культурного слоя в условиях мегаполиса на примере Санкт-Петербурга	158

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>С. Н. Астахов.</i> Исследования палеолита в Туве в 1999–2012 гг.	171
<i>Ю. А. Виноградов.</i> Памяти И. Б. Брашинского. К 90-летию со дня рождения	175
<i>Н. И. Брашинская.</i> Неизвестное о моем отце и семье Брашинских	182

ХРОНИКА

<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти И. Б. Брашинского (1928–1982)	184
<i>В. А. Горнчаровский, С. В. Кашаев.</i> Заседание Отдела истории античной культуры ИИМК РАН, посвященное памяти В. И. Денисовой (Пругло) (1929–2016)	186
Список сокращений	188

CONTENS

RESEARCH PAPERS

<i>A. A. Malyutina, N. N. Krivaltsevich, A. M. Kulkov.</i> Special aspects of processing and use of bone and antler raw materials at the Neolithic site Kuzmichi 1 (the Pripyat basin, Republic of Belarus)	9
<i>L. B. Kircho</i> On the function of so called stone lamps from the Bronze Age of South Central Asia and Middle East	20
<i>A. V. Polyakov.</i> Towards the question of the chronological relationship between the Krotov and Okunev cultures (with particular reference to the Sopka-2 cemetery)	28
<i>M. A. Kulkova, A. M. Kulkov, M. T. Kashuba, M. N. Vetrova, N. A. Gavrilyuk, E. Kaiser.</i> Technological characteristics of the “burial” pottery from the Early Iron Age of the North Black Sea region as revealed by X-ray 3D microtomography	40
<i>M. E. Kilunovskaya, Vl. A. Semenov.</i> Anthropomorphic elements on the deer stones of Tuva and Mongolia	50
<i>S. Yu. Monakhov, E. V. Kuznetsova, D. E. Chistov, N. B. Churekova.</i> Complex of amphorae from Heraclea Pontica, pit No. 41 (1968), Berezan island	60
<i>V. S. Sinica, N. P. Telnov, S. D. Lysenko.</i> Scythian barrow with children’s burials on the left bank of the Lower Dniester	69
<i>T. R. Sadykov.</i> Bone arrowheads of the first half of the I millennium AD in Tuva	80
<i>V. I. Kulakov.</i> The beginning of the Gothic movement to Eastern Europe	89
<i>A. L. Aleksandrovsky, V. A. Lapshin, N. V. Grigorieva, E. I. Aleksandrovskaya, V. V. Skripkin.</i> Soil formation at Staraya Ladoga in the Neolithic and Early Medieval time	99
<i>S. V. Beletsky.</i> Old Russian seals from Staraya Ladoga	105
<i>V. L. Shcherbakov.</i> New data on the manufacturing technology of iron artifacts from the rural settlements of the Uglich area	133
<i>A. I. Saksa.</i> Vyborg in the first half and the middle of the XVI c., or what the town was like in the times of Mikael Agricola (on the occasion of the 500 th anniversary of the Reformation)	139
<i>K. V. Gorlov, O. V. Rozhnova.</i> Coin hoard of the Time of Troubles from the fortress of Koporie	149
<i>V. A. Lapshin, N. F. Solovyova.</i> Problems of cultural layer protection in urban metropolitan conditions (with particular reference to St. Petersburg)	158

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

<i>S. N. Astakhov.</i> Paleolithic studies in Tuva in 1999–2012	171
<i>Yu. A. Vinogradov.</i> To the memory of I. B. Brashinsky. On the occasion of the 90 th birth anniversary	175
<i>N. I. Brashinskaya.</i> Unknown facts about my father and the Brashinskys family	182

CHRONICLE

<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of I. B. Brashinsky (1928–1982)	184
<i>V. A. Goroncharovsky, S. V. Kashaev.</i> Session of the Department of the History of Classical Culture of IHMC RAS dedicated to the memory of V. I. Denisova (Pruglo) (1929–2016) ..	186
List on abbreviations	188

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ СООТНОШЕНИИ МАТЕРИАЛОВ КРОТОВСКОЙ И ОКУНЕВСКОЙ КУЛЬТУР (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЬНИКА СОПКА-2)¹

А. В. ПОЛЯКОВ²

Ключевые слова: *кротовская культура, Барабинская лесостепь, окуневская культура, Минусинские котловины, эпоха ранней бронзы, хронология.*

В статье рассматривается хронологическое соотношение могильника кротовской культуры Сопка-2/4 Б, В (Барабинская лесостепь) и древностей окуневской культуры Среднего Енисея. В их материалах были выделены сходные культовые изделия и характерные типы предметов: луновидные подвески, диски и мраморные шары с отверстием, костяные колечки с насечками по краю, заостренные с одного края костяные пластинки (рис. 1; 2). Комплекс этих изделий свойствен уйбатскому этапу окуневской культуры, датирующемуся XXVI–XXIII вв. до н. э. В кротовском могильнике Сопка-2/4 Б, В погребения с этими предметами компактно локализованы на его юго-восточном краю. Вторая группа аналогий связана с особой позой умерших (на спине с ногами, согнутыми в коленях и поднятыми вверх), похороненных в укороченных могилах (рис. 3). Подобные захоронения характерны для окуневской культуры, а в могильнике Сопка-2/4 Б, В они составляют тип 2, локализующийся на его юго-западном краю. Прослежена тесная связь таких погребений с изделиями сеймино-турбинского типа, которые появляются на черновском этапе окуневской культуры (XXII–XX вв. до н. э.). Таким образом, кротовская и окуневская культуры синхронны только отчасти. Их не следует рассматривать как части единого блока культур, имеющих общее происхождение и вектор развития. Кротовская культура сформировалась на несколько столетий раньше и немногочисленные параллели с окуневскими материалами прослеживаются только на относительно позднем этапе ее развития.

DOI: 10.31600/2310-6557-2018-18-28-39

Введение в научный оборот материалов кротовского могильника Сопка-2 (Сопка-2/4Б, В) имеет огромное научное значение и позволяет по-новому осветить вопрос о хронологическом соотношении кротовских комплексов Барабинской лесостепи и окуневских памятников Среднего Енисея (Молодин, Гришин 2016)³.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0009 «Взаимодействие древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV тыс. до н. э. — I тыс. до н. э.)».

² Отдел археологии Центральной Азии и Кавказа, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

³ Автор выражает самую искреннюю признательность А. Е. Гришину и В. И. Молодину за их замечания и комментарии, высказанные в ходе предварительного обсуждения данной статьи.

Многие авторы указывали на существование параллелей между двумя этими культурами и на их стадильное сходство (Максименков 1970: 73; Вадецкая 1986: 35–36; Семёнов 1997: 156–157, рис. 3 и др.). В. И. Молодин в серии работ предпринял целенаправленное исследование этой темы и пришел к выводу о наличии эпохальной близости памятников, но не общей культурной принадлежности (Молодин 1975; 1988). Причины присутствия в погребениях двух культур схожих артефактов он видит в их принадлежности к доандроновскому бронзовому веку. Аналогичное наблюдение сделано еще в одной работе, в которой отмечено, что между кротовской и окуневской погребальными практиками больше различий, чем сходств (Молодин, Гришин 2016: 348). Полностью принимая этот вывод, следует отметить, что наличие в погребениях обеих культур редких артефактов, имеющих преимущественно культовое значение, позволяет маркировать хронологический горизонт их сосуществования. Такие предметы были обнаружены при раскопках могильника Сопка-2/4Б, В. Нужно указать, что в данном исследовании не анализируются широко распространенные бытовые вещи, встречающиеся практически во всех археологических культурах эпохи палеометалла (костяные и каменные наконечники стрел, проколки, игольники, бусы, бисер, подработанные астрагалы и т. п.).

В первую очередь следует остановиться на каменных луновидных (сегментовидных) подвесках, обнаруженных в двух погребениях: № 65 (рис. 1, 1, 2) и № 160 могильника Сопка-2/4Б (Молодин, Гришин 2016: 298–300, рис. 448). Изучение этих предметов имеет богатую историю (Матющенко 1973; Кызласов 1986: 288; Леонтьев 1997: 229; Вадецкая 1999: 179; Боковенко 2001: 139–142 и др.). Наиболее полный обзор связанной с ними проблематики представлен в работах Ю. Н. Есина и В. И. Молодина (Есин 2009: 123–133; Молодин 2013). Эти артефакты чаще всего находят в комплексах кротовской, самусьской и окуневской культур, то есть в определенном географическом ареале. В Минусинских котловинах ранее было известно три подобных предмета, происходящих из двух погребений: Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 и Усть-Бюрь, кург. 5, мог. 1 (Максименков 1980: 10, табл. XXIII, 3; Кызласов 1986: 274, рис. 188, 1, 2) (рис. 2, 1). Еще одно аналогичное изделие было обнаружено И. П. Лазаретовым в 2010 г. в насыпи кургана окуневской культуры Красный Камень (Лазаретов, Поляков 2018). Более того, в 2016 г. при раскопках кург. 21 могильника Итколь II найден фрагмент плиты, использованной для перекрытия могилы, на котором нанесено изображение традиционной окуневской личины. С ее элементами связаны изогнутыми линиями изображения 18 луновидных подвесок (сохранилось только 15). Последняя находка не оставляет сомнений в сакральном значении этих предметов.

К сожалению, хронология памятников, в которых выявлены рассматриваемые артефакты, пока недостаточно изучена. Для погребения с луновидной подвеской на оз. Байкал (Сарминский мыс) была получена радиоуглеродная дата 3960 ± 50 (ГИН-5605), которая после калибровки соответствует хронологическому диапазону 2581–2295 гг. до н. э. (Горюнова 2002: 28–29, рис. 27, 10). Еще одна дата 3994 ± 51 (UBA-27421) получена по материалам кротовской могилы 409 (могильник Тартас-1), где также представлена разломанная на части луновидная подвеска (Молодин и др. 2011: 51–53; 2014). После калибровки эта дата указывает на временной интервал 2630–2346 гг. до н. э. (Марченко, Молодин 2017: рис. 3). Материалы окуневской культуры принадлежат двум хронологическим этапам. Могильники Красный

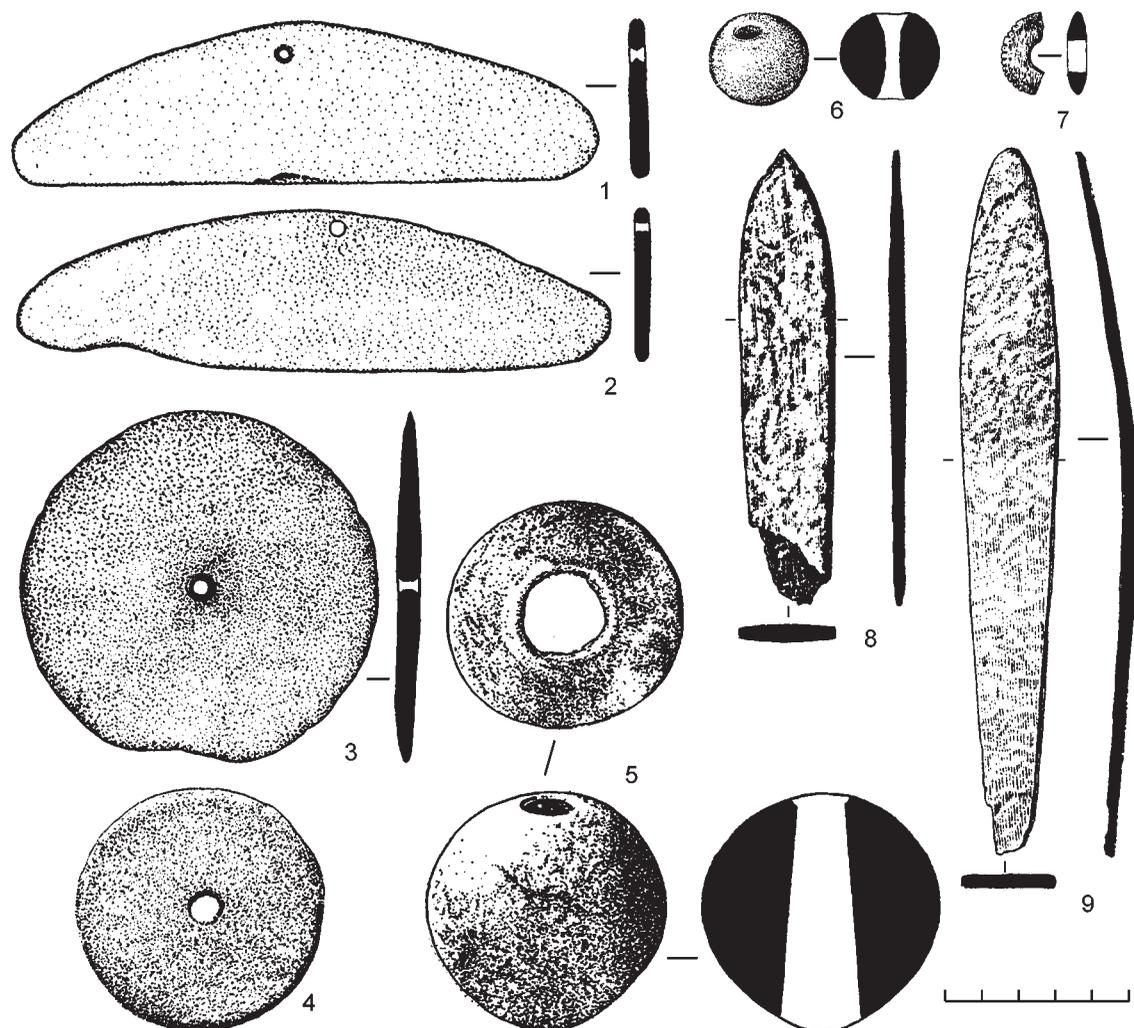

Рис. 1. Артефакты из погребений могильника Сопка-2/4 Б, В (котовская культура): 1–3, 9 — погр. № 65; 4 — погр. № 377; 5 — погр. № 230; 6 — погр. № 83; 7 — погр. № 148; 8 — погр. № 160 (1–6 — камень; 7–9 — кость) (по: Молодин, Гришин 2016)

Fig. 1. Artifacts from Sopka-2/4 B, B cemetery (Krotov culture): 1–3, 9 — burial № 65; 4 — burial № 377; 5 — burial № 230; 6 — burial № 83; 7 — burial № 148; 8 — burial № 160 (1–6 — stone; 7–9 — bone) (after Молодин, Гришин 2016)

Камень и Усть-Бюрь относятся к уйбатскому этапу, который современные исследования датируют XXVI–XXIII вв. до н. э. (Лазаретов 1997; Поляков 2017). Могильник Черновая VIII и кург. 21 могильника Итколь II соответствуют черновскому этапу: XXII–XX вв. до н. э. Необходимо, однако, отметить, что плита с изображениями, происходящая из последнего памятника, была использована в качестве строительного материала, и нанести на нее изображение могли ранее того времени, когда она попала в курган. находка луновидной подвески в мог. 21 кург. 8 (Черновая VIII) тоже не удивительна. Погребение 1, с которым она связана, является самым богатым на этом памятнике и содержит предметы явно культового назначения: череп птицы, роговые жезл и «ритон», мраморный шар, каменный топор и бронзовый кинжал. Нет сомнений, что погребенный с таким богатым набором инвентаря имел особый социальный статус. При этом значительная часть перечисленных

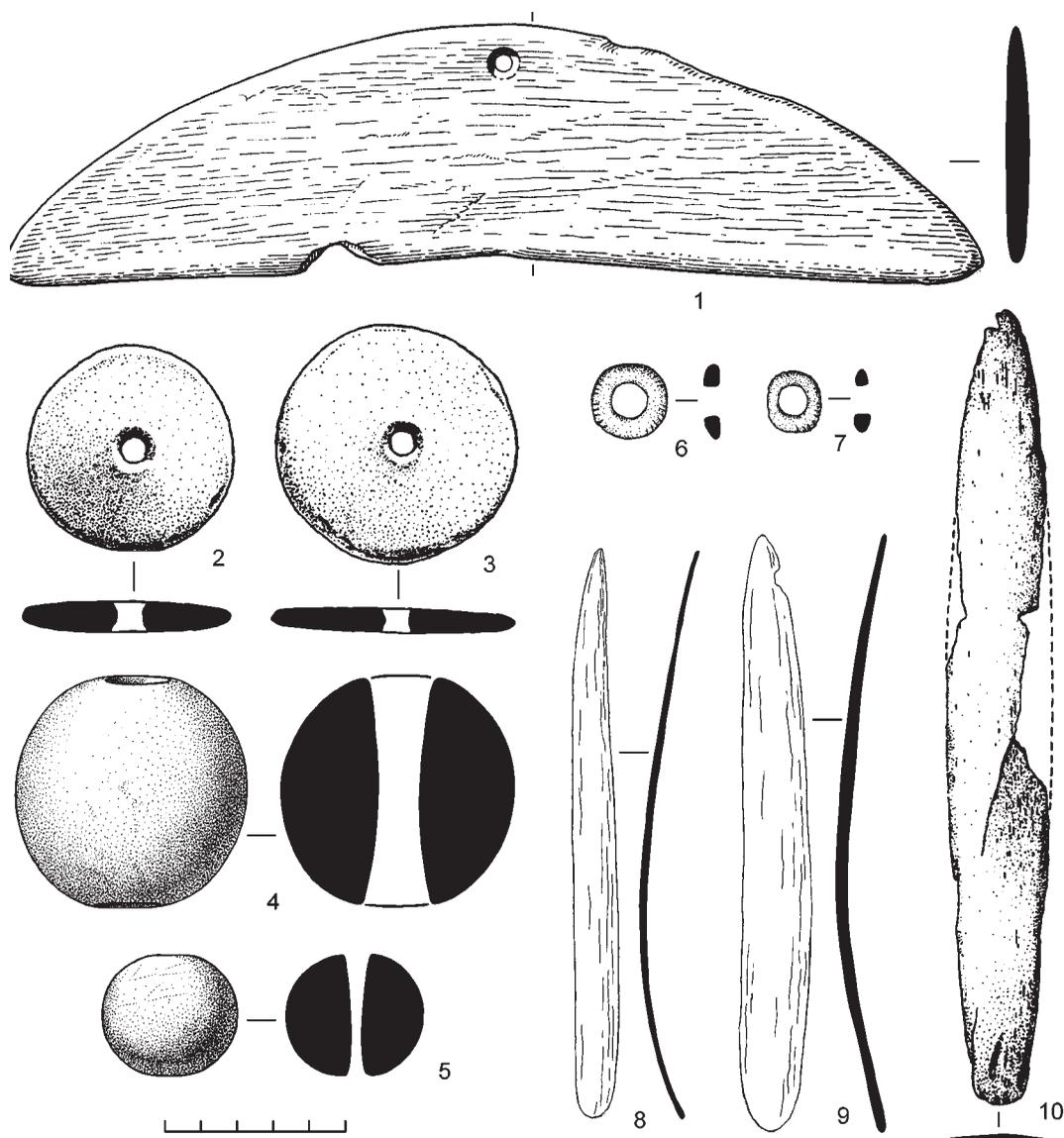

Рис. 2. Артефакты из погребений окуневской культуры: 1 — Черновая VIII, кург. 8, мог. 21; 2, 3 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 8; 4 — Итколь II, кург. 1, мог. 13; 5 — Итколь II, кург. 12, мог. 13; 6–9 — Итколь II, кург. 12, мог. 3; 10 — Уйбат V, кург. 1, мог. 6 (1–5 — камень; 6–10 — кость) (1 — по: Максименков 1980; 2, 3 — по: Хаврин 1997а; 10 — по: Лазаретов 1997; 4–9 — вещи из раскопок автора, публикуются впервые)

Fig. 2. Artifacts from the Okunev culture burials: 1 — Chernovaya VIII, barrow 8, grave 21; 2, 3 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 8; 4 — Itkol II, barrow 1, grave 13; 5 — Itkol II, barrow 12, grave 13; 6–9 — Itkol II, barrow 12, grave 3; 10 — Uibat V, barrow 1, grave 6 (1–5 — stone; 6–10 — bone) (1 — after Максименков 1980; 2, 3 — after Хаврин 1997а; 10 — after Лазаретов 1997; 4–9 — finds from the author's excavations published for the first time)

предметов имеет аналогии исключительно в захоронениях раннего уйбатского этапа. Закономерно предположение о том, что указанный набор являлся частью костюма вождя или жреца. В таком случае составлявшие набор вещи могли передаваться из поколения в поколение, будучи изготовленными задолго до похорон этой персоны.

Вторая группа предметов включает диски с отверстиями в центре. Они были найдены в могилах № 65, № 377 (верхнее погребение) (Молодин, Гришин 2016: 300–301, рис. 449–450) (рис. 1, 3, 4). Схожие диски обнаружены на поселении Самусь-4 (Есин 2009: 133). Известны они и в материалах окуневской культуры — могильники Уйбат V, кург. 4, мог. 4 (Лазаретов 1997: 28, табл. XIV, 2) и Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 8 (Хаврин 1997а: 67, табл. V, 19–21) (рис. 2, 2, 3). В обоих случаях диски относятся к памятникам черновского этапа. Еще два очень похожих диска выявлены в погребениях окуневского типа на Верхнем Енисее при исследовании могильного поля Аймырлыг: погр. XIII-2 и карьер, мог. 1 (Стамбульник, Чугунов 2004: 294–300, рис. 7, 21). Последнее захоронение, судя по ножу с черешковым насадом, можно синхронизировать с уйбатским этапом окуневской культуры.

К третьей группе предметов относятся мраморные шары с отверстиями, имеющие широкое распространение в памятниках эпохи палеометалла Евразии. В материалах могильника Сопка-2/4Б подобный предмет, по мнению авторов раскопок, — булава обнаружен в могиле № 230 (Молодин, Гришин 2016: 272, рис. 424) (рис. 1, 5). Еще один, определенный как бусина, был найден в могиле № 83 (Там же: 54, рис. 83, 3) (рис. 1, 6). Подобные изделия широко представлены в материалах окуневской культуры: Пистах, кург. 3, мог. 1 (Подольский 1997: рис. 5, 6); Есино IV, мог. 2 (Паульс 1997: рис. 3); Моисеиха, кург. 5 (Ковалёва и др. 2010: 109–110); Барсучиха IV, кург. 22, мог. 2 (Грязнов 1999: рис. 23, 15); Уйбат-Хулган, кург. 1 (Кызласов 1962: рис. 4, 2, 3); Тас-Хазаа, мог. 2, 4 (Липский, Вадецкая 2006: табл. XV, 1); Итколь II, кург. 12, мог. 4-А, 13 (рис. 2, 5); кург. 14, мог. 4 (Поляков, Есин 2015: рис. 6, 1); Уйбат I, мог. 7 (Наглер, Парцингер 2006: рис. 3, 10). Все перечисленные выше погребения датируются ранним уйбатским этапом окуневской культуры. Однако зафиксировано два случая обнаружения аналогичных предметов и в более поздних черновских комплексах: Итколь II, кург. 1, мог. 13 (рис. 2, 4) и Черновая VIII, кург. 8, мог. 21 (Максименков 1980: табл. XXI, 10). Как уже отмечалось выше, последнее погребение имеет особый статус и появление в нем «древних» предметов вполне объяснимо. Практически во всех случаях, кроме весьма спорных захоронений могильника Тас-Хазаа, шары обнаружены в погребениях мужчин (как и в материалах могильника Сопка-2/4Б). По всей видимости, эти изделия, которые носили, судя по их расположению в могиле, на поясе, указывают на особый статус умерших.

Редкий артефакт обнаружен в погребении № 65 кротовской части могильника Сопка-2/4Б. Речь идет о фрагменте рогового кольца с насечками по внешнему краю (Молодин, Гришин 2016: 305, рис. 455, 2) (рис. 1, 7). Подобные кольца из рога или кости встречаются в захоронениях окуневской культуры и являются характерным типом для раннего уйбатского этапа: Есино IV (Паульс 1997: рис. 2, 3); Уйбат-Чарков мог. 3; Есь (Липский 1954: рис. 36); Тас-Хазаа, мог. 1, 2 (Липский, Вадецкая 2006: табл. XV); Итколь II, кург. 12, мог. 3 (рис. 2, 6, 7) и 12 (раскопки А. В. Полякова в 2016–2017 гг.).

Уникальными артефактами являются костяные пластины из кротовских погребений № 148 и № 160. Авторы рассматривают эти изделия как фронтальные накладки на лук (Молодин, Гришин 2016: 252–253, рис. 402, 1, 2). Два образца, отнесенные к типу 1 (рис. 1, 8, 9), заметно отличаются от остальных предметов этой категории, представляя собой тонкие пластины равномерной толщины, заостренные с одного края. Идентичные предметы были обнаружены в захоронениях уйбатского этапа окуневской культуры: Красный Яр II, мог. 1 (Вадецкая 1981: рис. 1); Большое Кольцо,

мог. 3-к (Киргиников 2010: рис. 4, б); Уйбат V, кург. 1, мог. 6 (рис. 2, 10) (Лазаретов 1997: табл. XV, 5); Итколь II, кург. 12, мог. 3 (рис. 2, 8, 9), 4-А (раскопки А. В. Полякова в 2016–2017 гг.). Назначение данных артефактов остается неясным, хотя нельзя исключать предложение интерпретировать их, как элемент сложного лука.

Следует отметить, что рассматриваемые изделия иногда представлены в одном и том же погребении кротовского кладбища Сопка-2/4Б (могила № 65, три артефакта; могила № 160, два артефакта), что подтверждает неслучайность сделанных наблюдений. В этом могильнике имеются захоронения, содержавшие предметы культового назначения или характерные типы, которые могут быть соотнесены с материалами окуневской культуры. Все вышеперечисленные погребения (№ 65, 83, 148, 160, 377 [верхнее погребение]) располагаются в юго-восточной части данного кладбища. Такое их компактное расположение не может быть случайным и, вероятно, указывает на узкий хронологический период, в течение которого они были совершены.

Необходимо обратить внимание на то, что перечисленные артефакты встречаются либо в захоронениях уйбатского этапа окуневской культуры (костяные колечки с насечками, костяные пластины), либо уйбатского и черновского этапов (мраморные шары с отверстием, луновидные подвески, диски с отверстием посередине). Это удивительно, так как культовые вещи могут сохраняться на протяжении длительного времени. Однако все они как единый комплекс могут характеризовать только уйбатский хронологический период, который в соответствии с современными радиоуглеродными датами относится к XXVI–XXIII вв. до н. э. (Поляков 2017).

Для погребений кротовского могильника Сопка-2/4Б, В имеется серия из 47 радиоуглеродных анализов по 28 комплексам (Молодин, Гришин 2016: 371–375; Марченко 2016). К сожалению, они не дают ясной и отчетливой картины, зачастую противореча друг другу. По мнению авторов, это может быть связано с различными проблемами, но прежде всего с так называемым резервуарным эффектом. Последнее явление действительно может оказывать влияние на результаты анализов. Учитывая, что все упомянутые даты, за одним исключением, получены по образцам кости человека, а в захоронениях представлены как чешуя, так и изображения рыб, требуется особое изучение этого вопроса (Молодин, Гришин 2016: 15, 115). Для некоторых культур эпохи бронзы были проведены специализированные исследования, которые заключались в сопоставлении дат, полученных на основании различных по материалу образцов (кость человека, дерево, уголь, кость травоядного животного). Выяснилось, что в европейской части России резервуарный эффект оказывает заметное влияние на радиоуглеродные даты, но в Сибири, непосредственно в материалах окуневской культуры, он пока не зафиксирован (Плихт, ван дер, и др. 2016; Svyatko et al. 2017). Применительно к памятникам бронзового века Барабы резервуарный эффект был выявлен в материалах одиновской культуры, на примере памятника Преображенка 6 (Marchenko et al. 2015).

По результатам изучения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б, В авторы приходят к мнению о его продолжительном существовании на протяжении всего III тыс. до н. э. (Молодин, Гришин 2016: 377). Предполагается, что погребения можно разделить на две хронологические группы, ранняя из которых может датироваться первой половиной, а поздняя — второй половиной III тыс. до н. э. К сожалению, определить дату захоронений, где встречены предметы, имеющие аналогии в окуневской культуре, не представляется возможным. Датировка имеется только для могилы

№ 377, причем она относится к нижнему погребению с «утюжком», а каменный диск с отверстием связан с верхним захоронением, которое могло быть совершено позже (Там же: 112–115). Судя по уровню залегания, второе погребение было сделано в тот момент, когда первое уже было, как минимум частично, засыпано землей.

Интересная ситуация связана с положением умершего в могиле. Захоронения окуневской культуры характеризуются устойчивой традицией размещения тела усопшего. В подавляющем большинстве случаев его укладывали на спине с согнутыми в коленях ногами, поднятыми вверх (Вадецкая 1986: 29) (рис. 3, 1–3). Среди погребений могильника Сопка-2/4Б, В представлена группа из шести захоронений (тип 2), где выявлено схожее положение тела — № 228, 229 (рис. 3, 4), 282 (рис. 3, 5), 398, 594, 623 (Молодин, Гришин 2016: 332–335). Все они, за исключением могилы № 398, располагаются на юго-западном краю кладбища, причем есть сомнения в справедливости причисления погребения № 398 к типу 2 (Там же: рис. 219). Могила № 398 представляет собой обширную яму, что нарушает «шаблон» этого типа, для которого кроме упомянутой позы характерна укороченная яма, соответствующая такому положению тела.

Авторы работы совершенно справедливо отмечают широкий круг культур эпохи энеолита и ранней бронзы, в которых встречаются погребения в этой редкой позе. Однако в рамках хронологического среза, маркирующего конец III тыс. до н. э., только окуневская культура может представлять интерес для сопоставления, тем более что ее погребальному обряду присуща укороченная могильная яма (или ящик), рассчитанная исключительно на такую позу умершего. Кроме того, есть основания, хотя пока и весьма шаткие, связывать появление предметов сейминско-турбинского типа в Минусинских котловинах именно с окуневской культурой (Матющенко 1975: 134–135; Членова 1977: 109–110; Хаврин 1997б: 163; Леонтьев 2002). Более того, эти артефакты, как и появление в Минусинских котловинах первых оловянистых бронз, датируются исключительно черновским этапом культуры (Хаврин 2006).

Погребения (тип 2) в составе могильника Сопка-2/4Б, В хорошо датированы, так как одно из них (№ 282) представляет собой знаменитую «могилу литейщика», в которой находились многочисленные вещи сейминско-турбинского типа (Молодин, Гришин 2016: 81–82, рис. 136–139). Для уточнения ее хронологии были проведены анализы расположенных рядом могил № 594 и № 623, в том числе и методом ускорительной масс-спектрометрии. В результате данную группу захоронений может уверенно датировать последней четвертью III тыс. до н. э. (Марченко 2016: рис. 2). Этот период соответствует черновскому этапу окуневской культуры, который на основании современных данных относится к XXII–XX вв. до н. э. (Поляков 2017).

Подведем итоги. Среди погребений могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б, В фиксируются две группы могил, которые с осторожностью можно сопоставлять с захоронениями окуневской культуры Среднего Енисея. Первая из них (№ 65, 83, 148, 160, 377 [верхнее погребение]) содержит редкие культовые вещи и характерные типы артефактов, которые в комплексе встречаются только в захоронениях уйбатского периода окуневской культуры. Вторая группа (№ 228, 229, 282, 594, 623) представляет собой погребения типа 2, отличающиеся особым положением ног умершего — коленями вверх и укороченными могильными ямами, что в полной мере свойственно окуневским памятникам. Судя по радиоуглеродным

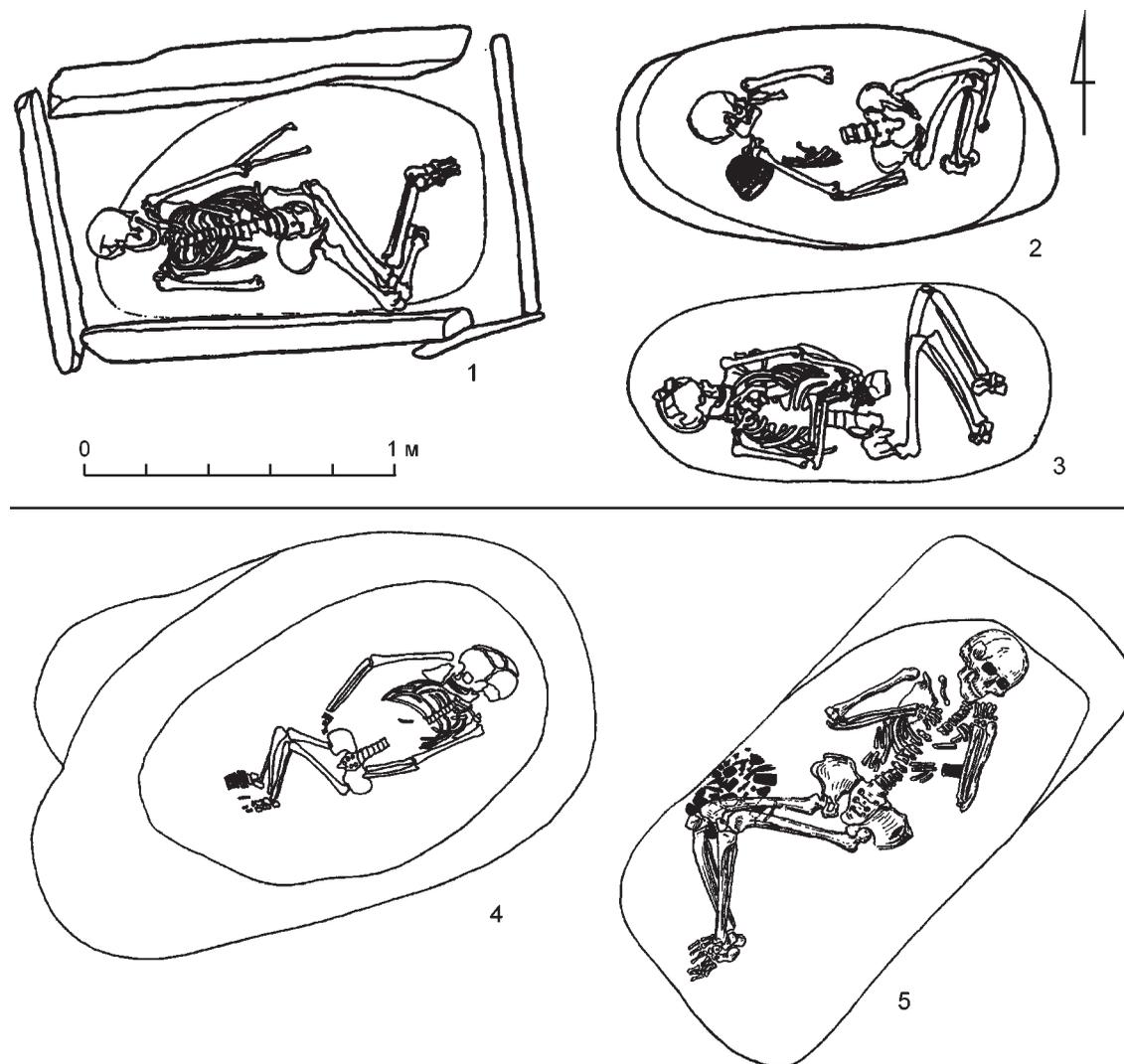

Рис. 3. Сопоставление положения тела погребенных в захоронениях 2-го типа могильника Сопка-2/4 Б, В (кротовская культура) и в могилах окуневской культуры: 1 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 18; 2 — Верхний Аскиз, кург. 1, мог. 22; 3 — Верхний Аскиз, кург. 2, мог. 32; 4 — Сопка-2/4 Б, В, погр. № 229; 5 — Сопка-2/4 Б, В, погр. № 282 (1, 2 — по: Хаврин 1997а; 3 — по: Ковалёв 1997; 4, 5 — по: Молодин, Гришин 2016)

Fig. 3. Comparison of body positions in type 2 graves of Sopka -2/4 Б, В (Krotov culture) and Okunev culture graves: 1 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 18; 2 — Verkhniy Askiz, barrow 1, grave 22; 3 — Verkhniy Askiz, barrow 2, grave 32; 4 — Sopka-2/4 Б, В, burial № 229; 5 — Sopka-2/4 Б, В, burial No. 282 (1, 2 — after Хаврин 1997а; 3 — after Ковалёв 1997; 4, 5 — after Молодин, Гришин 2016)

датам, эта группа соотносится с черновским этапом окуневской культуры. Еще одним признаком, связывающим их, являются изделия сейминско-турбинского типа.

Обе эти группы между собой не пересекаются, но при их нанесении на план могильника наблюдается интересная картина. Каждая из них расположена очень компактно. Первая группа представлена исключительно в юго-восточной части кладбища (Сопка-2/4Б). Вторая группа расположена совсем рядом, в юго-западной части могильника, захватывая еще и группу Сопка-2/4В. Такое их периферийное

размещение неслучайно. Во-первых, это может указывать на их относительно позднее хронологическое положение на этом могильном поле. Во-вторых, нельзя исключать, что погребенные в этих могилах люди воспринимались, как инородцы, поэтому их захоронения выносились за пределы основного кладбища. В любом случае это важная информация, которую нужно правильно интерпретировать.

Данное исследование не претендует на полное и комплексное рассмотрение связей двух культур и ставит своей задачей только сопоставление наиболее ярких материалов крупнейшего кротовского могильника с материалами окуневского периода Среднего Енисея. Полученные результаты не дают оснований рассматривать две упомянутые культуры как родственные, имеющие устойчивые связи. Отдельные признаки, которые позволяют их сопоставлять, выявлены только в 10 из 250 погребений могильника Сопка-2/4Б, В (4 %), причем эти признаки носят единичный характер и не образуют комплексов. В том случае если есть схожие артефакты, погребальный обряд отличается кардинально, и наоборот: при наличии близости отдельных элементов погребального обряда в могилах нет сопоставимых вещей. Все это указывает на отсутствие установившихся контактов культур, а прослеживаемые сходства отдельных вещей или признаков могут свидетельствовать только об эпизодических процессах.

Следует подчеркнуть, что две рассматриваемые культуры не являются элементами единого блока. Судя по данным радиоуглеродного анализа, кротовская культура сформировалась на несколько сот лет раньше. Она имеет ярко выраженные неолитические «корни». Первые общие с областью Среднего Енисея элементы возникли на поздней стадии ее развития и не оказали на нее заметного влияния, так как представляют собой единичные, преимущественно культовые артефакты. Их появление следует относить к XXVI–XXIII вв. до н. э. Особая группа погребений (тип 2) представляет собой более позднее событие, но тоже явно эпизодическое. Нет сомнений в том, что оно связано с распространением сейминско-турбинского феномена. Судя по радиоуглеродным датам, этот период приходится на XXII–XX вв. до н. э. Никаких следов постоянных контактов или общих тенденций развития двух культур на основе имеющихся материалов обнаружить не удалось.

Литература

Боковенко 2001 — *Боковенко Н. А.* Символика элитных воинских захоронений номадов Центральной Азии в I тыс. до н. э. // Фроянов И. Я., Астахов С. Н (ред.). Евразия сквозь века: Сб. науч. тр., посвящ. 60-летию со дня рождения Д. Г. Савинова. СПб.: Философский факультет СПбГУ, 2001. С. 137–143.

Вадецкая 1981 — *Вадецкая Э. Б.* Афанасьевский могильник Красный Яр // Троицкая Т. Н. (отв. ред.). Проблемы западносибирской археологии: эпоха камня и бронзы. Новосибирск: Наука, 1981. С. 33–62.

Вадецкая 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая 1999 — *Вадецкая Э. Б.* Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 440 с.

Горюнова 2002 — *Горюнова О. И.* Древние могильники Прибайкалья (неолит — бронзовый век). Иркутск: Изд-во Иркутского ГУ, 2002. 84 с.

Грязнов 1999 — *Грязнов М. П.* Афанасьевская культура на Енисее. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 136 с.

Есин 2009 — *Есин Ю. Н.* Древнее искусство Сибири: Самусьская культура. Томск: Изд-во Томского ГУ, 2009. 526 с. (Тр. Музея археологии и этнографии Сибири. Т. 2).

Киргиников 2010 — *Киргиников Э. Н.* Итоги исследования кургана Большое Кольцо в долине реки Камышта // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 79–91.

Ковалёв 1997 — *Ковалёв А. А.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 2 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 80–112.

Ковалёва и др. 2010 — *Ковалёва О. В., Леонтьев Н. В., Амзараков П. Б.* Раскопки афанасьевского могильника под горой Моисеиха в 1959 г. // Степанова Н. Ф., Поляков А. В. (ред.). Афанасьевский сборник. Барнаул: Азбука, 2010. С. 108–121.

Кызласов 1962 — *Кызласов Л. Р.* Афанасьевские курганы на речках Уйбат и Бюрь // СА. 1962. № 2. С. 112–123.

Кызласов 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М.: Изд-во МГУ, 1986. 296 с.

Лазаретов 1997 — *Лазаретов И. П.* Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 19–64.

Лазаретов, Поляков 2018 — *Лазаретов И. П., Поляков А. В.* Могильник Красный Камень — погребально-ритуальный комплекс эпохи ранней бронзы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2018. № 22. С. 22–46.

Леонтьев 1997 — *Леонтьев Н. В.* Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 222–236.

Леонтьев 2002 — *Леонтьев С. Н.* К вопросу о сейминско-турбинской традиции на Среднем Енисее // Пиотровский Ю. Ю. (отв. ред.). Степи Евразии в древности и средневековье. ММНК, посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова (март 2002 г.). СПб.: Изд-во ГЭ, 2002. Кн. 1. С. 181–183.

Липский 1954 — *Липский А. Н.* Афанасьевские погребения в низовьях рек Еси и Теи // КСИИМК. 1954. Вып. 25. С. 89–98.

Липский, Вадецкая 2006 — *Липский А. Н., Вадецкая Э. Б.* Могильник Тас Хазаа // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 9–52.

Максименков 1970 — *Максименков Г. А.* Окуневская культура и ее окружение // Матющенко В. И. (отв. ред.). Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1970. С. 69–74.

Максименков 1980 — *Максименков Г. А.* Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // *Вадецкая Э. Б., Леонтьев Н. В., Максименков Г. А.* Памятники окуневской культуры. Л.: Наука, 1980. С. 3–26.

Марченко 2016 — *Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология погребений могильника Сопка-2/4Б, В // *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016. С. 442–449.

Марченко, Молодин 2017 — *Марченко Ж. В., Молодин В. И.* Погребальные комплексы эпохи бронзы могильника Тартас-1, их стратиграфическая позиция и радиоуглеродное датирование // *Молодин В. И., Хансен С.* (ред.). Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы: Материалы междунар. симпозиума (22–26 июня 2015 г., г. Новосибирск). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 138–145.

Матющенко 1973 — *Матющенко В. И.* Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. Ч. 2: Самусьская культура. Томск: Изд-во Томского ГУ, 1973. 212 с.

Матющенко 1975 — *Матющенко В. И.* Могильник у дер. Ростовка // *Окладников А. П., Деревянко А. П.* (ред.). Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975. С. 129–137.

Молодин 1975 — *Молодин В. И.* Кротовская культура и ее окружение // *Деревянко А. П.* (отв. ред.). Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1975. С. 259–268.

Молодин 1988 — *Молодин В. И.* О соотношении кротовской и окуневской культур // *Дэвлет М. А.* (отв. ред.). Некоторые проблемы сибирской археологии. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 6–15.

Молодин 2013 — *Молодин В. И.* Каменные «луновидные» подвески в непо потревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // *Иванчик А. И.* (отв. ред.). Monumentum gregorianum: сб. науч. ст. памяти акад. Г. М. Бонгард-Левина. М.: Граница, 2013. С. 135–153.

Молодин, Гришин 2016 — *Молодин В. И., Гришин А. Е.* Памятник Сопка-2 на реке Оми. Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН. 2016. 452 с.

Молодин и др. 2011 — *Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Новикова О. И., Дураков И. А., Кобелева Л. С., Ефремова Н. С., Соловьев А. И.* К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней — развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // *АЭАЕ.* 2011. № 3 (47). С. 40–56.

Молодин и др. 2014 — *Молодин В. И., Епимахов А. В., Марченко Ж. В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // *Вестник Новосибирского ГУ. Серия История, филология.* 2014. Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. С. 136–167.

Наглер, Парцингер 2006 — *Наглер А., Парцингер Г.* Новые памятники окуневской культуры в Центральной части Минусинской котловины // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В.* (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 104–119.

Паульс 1997 — *Паульс Е. Д.* Два окуневских памятника на юге Хакасии // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 123–127.

Плихт, ван дер, и др. 2016 — *Плихт, ван дер, Й., Шишлина Н. И., Зазовская Э. П.* Радиоуглеродное датирование: хронология археологических культур и резервуарный эффект. М.: Палеограф, 2016. 112 с. (Тр. ГИМ. Вып. 203).

Подольский 1997 — *Подольский М. Л.* Два окуневских памятника на ручье Узунчул // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 113–122.

Поляков 2017 — *Поляков А. В.* Радиоуглеродные даты окуневской культуры // *ЗИИМК.* 2017. № 16. С. 52–74.

Поляков, Есин 2015 — *Поляков А. В., Есин Ю. Н.* Миниатюрные изображения из погребения окуневской культуры на озере Иткуль в Хакасии // *АЭАЕ.* 2015. № 2 (43). С. 43–57.

Семёнов 1997 — *Семёнов Вл. А.* Окуневские памятники Тувы и Минусинской котловины // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л.* (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 152–160.

Стамбульник, Чугунов 2004 — *Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // *Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В.* (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 292–302.

Хаврин 1997а — *Хаврин С. В.* Могильник Верхний Аскиз I, курган 1 // Савинов Д. Г., Подольский М. Л. (ред.-сост.). Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 65–79.

Хаврин 1997б — *Хаврин С. В.* Спектральный анализ окуневского металла // Там же. С. 161–167.

Хаврин 2006 — *Хаврин С. В.* Металлические изделия окуневской культуры // Савинов Д. Г., Подольский М. Л., Наглер А., Чугунов К. В. (ред.). Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 242–244.

Членова 1977 — *Членова Н. Л.* Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Членова Н. Л. (отв. ред.). Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Наука, 1977. С. 96–112.

Marchenko et al. 2015 — *Marchenko Z. V., Orlova L. A., Panov V. S., Zubova A. V., Molodin V. I., Pozdnyakova O. A., Grishin A. E., Uslamin E. A.* Paleodiet, radiocarbon, and the possibility of fresh-water reservoir effect for Preobrazhenka 6 burial ground, Western Siberia: preliminary results // *Radiocarbon*. 2015. Vol. 57, no. 4. P. 595–610.

Svyatko et al. 2017 — *Svyatko S. V., Schulting R., Poliakov A. V., Ogle N., Reimer P. J.* A lack of freshwater reservoir effects in human radiocarbon dates in the Eneolithic to Iron Age in the Minusinsk Basin // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2017. Vol. 9. P. 1379–1388.

TOWARDS THE QUESTION OF THE CHRONOLOGICAL RELATIONSHIP BETWEEN THE KROTOV AND OKUNEV CULTURES (WITH PARTICULAR REFERENCE TO THE SOPKA-2 CEMETERY)

A. V. POLYAKOV

Keywords: *Krotov culture, Barabinsk forest-steppe, Okunev culture, Minusinsk depressions, Early Bronze Age, chronology.*

The paper considers the question of chronological relationship between the Krotov culture cemetery of Sopka –2/4 Б, В (Barabinsk forest-steppe) and Okunev culture of the Middle Yenisei region. Their inventories contain similar cult and other characteristic objects, including moon-shaped pendants, disks and perforated marble spheres, small bone rings with incisions on the edge, unilaterally sharpened bone blades (Fig. 1; 2). This set of objects is typical of the Uibat stage of the Okunev culture, which is dated to the XXVI–XXIII cc. BC. As to the Krotov culture cemetery of Sopka –2/4 Б, В the graves with these objects are concentrated in its south-eastern part. One more analogy can be seen in the particular position (on the back, with legs flexed in knees and lifted up) of the deceased buried in the shortened graves (Fig. 3). Such burials are characteristic of the Okunev culture, while at Sopka –2/4 Б, В they constitute type 2, confined to the south-western edge of the cemetery. These burials have been shown to be closely associated with the Seima-Turbino type objects, which appear at the Chernovo stage of the Okunev culture (XXII–XX cc. BC). It follows that the Krotov and Okunev cultures are not completely coeval. They should not be considered parts of a single block of cultures, having common origins and developmental trajectory. The Krotov culture had formed several centuries earlier than the Okunev one, and the few parallels it has with the Okunev materials belong to a relatively late stage of its development.